

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VII

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1939 · Ленинград

А. А. ФРЕЙМАН

Хорезмийский язык

Культурное строительство народов Союза вызывает усиленный интерес к историческим проблемам, понимаемым в самом широком смысле этого слова. История народов, населяющих ныне территорию Союза, включает также исследование их культурных связей с зарубежными народами, начиная с самой глубокой древности. Глубоко ошибался бы тот, кто полагал бы, что история Древнего Востока, хеттская или халдская клинопись могут быть исключены из числа вопросов, освещающих историческое прошлое нашей страны.

История Средней Азии должна изучаться и изучается в широкой исторической перспективе. Культурные оазисы Средней Азии, как показали, например, раскопки в Анау, были очагами высоко развитой культуры в доисторическую эпоху. Культура Анау была одним из звеньев в цепи культурных очагов Передней Азии и Ирана, давность которых, по мнению компетентных специалистов, может быть прослежена до 4000 л. до н. э., а развитие ее в иранской керамике продолжалось почти до современности.

Одним из наиболее важных исторических документов являются язык, история языка и языков с их письменностями, памятниками языка, фольклором — вплоть до современных живых говоров. Языковедение есть наиболее точная обществоведческая дисциплина. В языке, в его грамматике и словаре, отражаются и вскрываются исторические судьбы его носителей, их племенные и культурные связи в прошлом, в самых причудливых, неожиданных для исследователя сплетениях. В истории науки известно много случаев, когда постулированные историей языка факты подтверждались впоследствии документами другого порядка. Поэтому вполне понятно то внимание, которое историческая наука уделяет языковедению, а с другой стороны, ясно, что языковедческие занятия без исторической базы перестают быть наукой.

Многоязычно население Средней Азии. Оно относится преимущественно к двум языковым группам: тюркской и иранской. Вопросы изменения языковой карты, языковых взаимоотношений самым тесным образом связаны с историей народов Средней Азии. В настоящее время численно преобладают тюрко-язычные народы (узбеки, туркмены, киргизы, казахи, кара-калпаки и др.). Некоторая часть ирано-язычных народностей Средней Азии становилась постепенно «двуязычными» с таджикским и узбекским языками (таково, например, население Самарканда). Этот процесс постепенного распространения тюркских языков за счет иранских в целом действовал по тем же причинам и раньше, в течение многих веков. Аналогичные же процессы и параллельно с вышеуказанным действовали и внутри иранской группы, где таджикский язык практически внедрялся в среду местного населения, говорившего на восточно-иранских языках.

Если древнейшие памятники материальной культуры народов Средней Азии относятся ко временам за несколько тысячелетий до н. э., то значительно хуже здесь положение в отношении письменных документов на языках Средней Азии.

Они значительно моложе и относятся к первой четверти VIII столетия н. э. Это — открытые в 1933 г. в Таджикистане, на горе Муг, на левом берегу Зеравшана, остатки архива согдийского Тархуна-Диваштича, написанные согдийско-буддийским курсивом на согдийском языке.¹ Открытие этих документов в развалинах здания вместе с памятниками материальной культуры, *in situ*, в обстановке, о которой говорят арабские нарративные источники (Табари), не оставляет места сомнению в подлинности этих документов, в точности их датировки, в том, что язык этих документов — язык согдийский. Эти документы дали возможность подтвердить правильность высказанного ранее другими взгляда (на основании согдийских календарных названий у Аль-Бйруни), что подобные документы, добытые в начале этого столетия в Китае, написаны на согдийском же языке, на котором, повидимому, говорило население согдийских торговых колоний в Китае. Поскольку среди этих документов оказалось несколько писем, которые по некоторым основаниям (главным образом, палеографического характера) должны быть датированы на несколько столетий раньше остальных документов (относящихся к VIII веку), то *terminus a quo* согдийских документов, происходящих не из Средней Азии, но написанных на согдийском языке, одном из языков Средней Азии, может быть ото-

¹ См. Согдийский сборник. Ленинград, 1934. Издательство Академии Наук СССР.

двинут на несколько веков назад, к первым векам нашей эры. Найденный в 1936 г. в старом Мерве обломок сосуда (хума) с согдийской надписью на нем, относящийся приблизительно к тому же времени, что и большинство других согдийских документов, т. е. к VIII веку, имеет значение как показатель распространения согдийского языка в то время, но не углубляет наших знаний по истории согдийского языка. Несколько большее значение имеет найденный во время раскопок в Нисе небольшой обломок глиняной чаши с надписью письменами, характер которых близок к письменам текста авроманского пергамента. Мы имели бы в этой надписи (она должна быть, по всем данным, отнесена к началу нашей эры) образец парфянского письма. К сожалению, сохранившаяся часть этой надписи — всего три слова, притом все, повидимому, идеограммы, не увеличивают наших познаний в парфянском языке. Вместе с тем памятник этот не теряет своего культурно-исторического значения.

Таким образом наука не обладает пока подлинными письменными документами на языках Средней Азии, которые были бы древнее начала нашей эры. К счастью, историческая наука, историческое языкознание обладают рядом данных, которые позволяют судить с достаточной точностью об этнолого-лингвистической карте Средней Азии и ее изменениях и за столетия до нашей эры. К этим данным относятся: древне-персидские надписи Ахеменидов и Авеста, сравнительная и историческая грамматика иранских, индо-иранских языков, свидетельства историков и языковые: ассиро-вавилонские, греческие, латинские, армянские, китайские.

Ахеменидские надписи, Авеста и греческие историки дают нам представление о провинциях (землях), народностях Средней Азии, об их материальной культуре. Сравнительная грамматика иранских и индо-иранских языков и свидетельства греков говорят о чрезвычайной близости древне-иранских языков; отношение их друг к другу было отношением говоров, они «μοῦλωττοῦσι παρὰ μῆτρόν».

Совокупность этих данных позволяет сказать, что мы ничего не знаем о языке населения, создавшего культуру Анау. Около начала II тысячелетия до нашей эры в Среднюю Азию, а затем и в Иран и северо-западную Индию проникли стоявшие на более низкой ступени культуры кочевники, говорившие на индо-иранских говорах. В Средней Азии говорят на древне-иранских, мало отличавшихся друг от друга, говорах. Основные народности ее: в западной части (нижнее течение Аму-дарьи), — хорезмийцы (древне-перс. *hwārazmīya*), к востоку от них (Самарканд, течение Зеравшана

и прилегающие области) — согдийцы (*suguda*, *soγdoi*), далее к востоку и к северу — саки (*saka*, *soγdai*). К IV—III векам до н. э. в истории иранских языков кончается эпоха, характеризующаяся богатой флексией, и начинается или продолжается распад последней, упрощение, постепенное усиление аналитических элементов, — эпоха, которую принято называть средне-иранской. Интенсивность развития этих процессов различна по языкам: наиболее сильна она в языке персидском, менее сильна в Средней и Центральной Азии, где в языках согдийском и сакском (хотанском) еще в VIII веке н. э. отмечаются, в противоположность персидскому, остатки нескольких падежей.

К началу нашей эры, как следствие недостаточно еще выясненных событий в Центральной Азии, начинается из глубин ее движение народов, которое затронуло Среднюю Азию и Иран. Сначала двинулись иранцы — саки, прошедшие в восточный Иран (изменивший по ним свое древнее название *Zaranka* в Сеистан), а затем из Сеистана в Индию. За ними пошли Тохары, обосновавшиеся в северном Афганистане, хефталиты и, наконец, тюрки, тормозившие в VIII веке продвижение и упрочение власти арабов над Средней Азией, поддерживая или обещая поддержку враждебным арабам элементам из среды согдийцев. Союзниками же арабов по упрочению власти ислама в Средней Азии, их культурным авангардом, были принявшие ислам иранцы — персы. Начиная с VIII века, мы являемся в Средней Азии свидетелями парадоксального на первый взгляд явления — относительно быстрого продвижения, после потери персами политической независимости, персидского языка, персидских говоров и постепенного вытеснения ими восточно-иранских языков.

* * *

Набросанная только что схема изменения этнолого-лингвистической карты Средней Азии относится в полной мере и к Хорезму, к языку его населения. Лишь косвенные данные, историко-сравнительная грамматика иранских языков, служат материалом для построения общей схемы истории хорезмийского языка, подлинные документы которого в очень небольшом количестве (названия дней, месяцев, праздников, некоторых созвездий в написанном на арабском языке сочинении хорезмийца Аль-Бирунӣ) засвидетельствованы лишь для X века.

Хорезмийские фразы имелись в одном сочинении по фикху (автор — ат-Тарджумани).¹ Сочинение написано в первой половине

¹ *Islamica*, III, 1927, 190—213.

XII века.¹ В главах этого сочинения, посвященных браку, разводу, клятве и т. п., оказались формулы на хорезмийском языке, но без перевода. Это сочинение имеется в нескольких новых и неисправных рукописях в Стамбульских библиотеках. Новые данные по хорезмийскому языку, о которых речь ниже, дают возможность удовлетворительно установить, в значительной части, текст и перевести его. В журнале *Islamica* за 1927 г. приведены также по одной стамбульской рукописи около 40 слов (13 фраз) на хорезмийском языке из словаря Замахшари.

В 1936 г. в Институт Востоковедения была прислана из Астрахани С. А. Алимовым вместе с другими рукописями рукопись XIV века — сочинение хорезмийского законоведа (Кын'ят-ал-мун'я «Приобретение желанного пополнения достаточного») Мухтар аз-Захида XIII века. Описание этой и некоторых других рукописей этого сочинения и словаря, о котором речь идет ниже, дано С. Л. Волиным в указанной выше статье. Это сочинение является собранием фетв по главам о браке, разводе, клятве и т. д. В сочинении — большое количество хорезмийских фраз и отдельных слов (всего слов около 3 000). Здесь имеются формулы развода, брака, клятвы и т. д., отдельные слова и названия предметов и даже небольшие диалоги. Обильная огласовка значительно помогает установлению надлежащего чтения хорезмийских слов. Особенную ценность присланной рукописи составляет пришитая позже к ней тетрадь в 22 листа, написанная другим почерком и заключающая три сочинения некоего ал-Имади, в том числе словарь: объяснение слов, которые приведены по-хорезмийски в только что названной книге. Последняя рукопись написана в XIV веке с автографа автора. После каждой хорезмийской фразы дан ее перевод на арабский или персидский язык.

Такое количество хорезмийских слов (довольно большое их число, правда, повторяется), притом приведенных в контексте фразами, с огласовками, дает возможность уже составить известную картину хорезмийского языка. Данное сочинение (XIII века, рукописи XIV века) заставляет сделать важный для Иранского языкознания и истории Средней Азии вывод, что еще в XIII—XIV веках, несмотря на отюречение, в Хорезме не вымер хорезмийский язык. Это обстоятельство позволяет по аналогии предположить, что в это время и средний согдийский язык не вымер еще в гористой Согдиане, где и по сегодняшний день продолжает бытовать один из ново-согдийских говоров — ягнобский. В настоящее время Институт Востоко-

¹ См. статью С. Л. Волина в настоящем томе «Записок Института Востоковедения» — «Новый источник для изучения хорезмийского языка», стр. 101—113.

ведения готовит издание арабского текста с русским переводом и исследование о хорезмийском языке. Уже теперь в виде предварительного сообщения могут быть указаны некоторые основные его черты.

ПИСЬМО

Упомянутые хорезмийские фразы в сочинениях на арабском языке написаны, конечно, арабским алфавитом. Но, естественно, возникает вопрос, была ли у хорезмийцев письменность до принятия ими ислама и если была, то какая. Определенного ответа на этот вопрос дать невозможно, за отсутствием прямых данных. Тем не менее позволительно высказать предположение по этому вопросу, основанное на косвенных данных, истории иранских письменностей и, в частности, письменности ближайших соседей хорезмийцев — согдийцев.

Учителями иранцев в искусстве письма были их соседи, жители Междуречья, ассиро-вавилонцы и арамейцы, проникшие к тому времени (1-я половина I тысячелетия до н. э.) в Месопотамию. Благодаря недавней находке в Хамадане надписи с именем Ариярамна, в настоящее время большинство ученых склонно считать, что персидское клинообразное письмо было введено значительно ранее Дария и ранее Кира Великого. Известно теперь также, что клинообразное письмо в Иране не было обиходным, деловым письмом канцелярии, а употреблялось лишь в торжественных случаях, при закладке дворцов, у гробниц, на торговых военных путях и т. п. Деловым же письмом, письмом делопроизводства, было письмо арамейское, распространенное во всей Передней Азии.

Писцами в Иранском государстве были арамейцы и евреи, говорившие и писавшие на арамейском языке. С тех пор арамейские алфавиты утвердились прочно во всех областях Иранского государства и бытовали в них до распространения мусульманства, а одна из разновидностей их, именно согдийский алфавит, вышла далеко за пределы Иранского государства на Восток, дав начало через посредство уйгур монгольскому и манджурскому. Нам хорошо известны иранские алфавиты: средне-персидский (неправильно называемый, обыкновенно, пехлевийским), парфянский, манихейский и согдийский. Весьма правдоподобным будет поэтому предположение, что в Хорезме в домусульманскую эпоху был в употреблении алфавит арамейского же происхождения, близкий к согдийскому. Но документами, которые бы подтвердили это предположение, наука пока не обладает. Наши хорезмийские глоссы написаны арабским алфавитом, специально приспособленным при помощи особых диакритических

знаков, точек, к хорезмийской фонетике. Некоторые из этих знаков идентичны с теми, которые употребляются в арабской графике при применении ее к персидскому языку, например ب, три точки внизу, ثَجَب — *pickab* «стена». Для некоторых других звуков, не имеющих ни в арабском, ни в персидском языках, применяется та же система, те же знаки, что и в других иранских (восточно-иранских) языках, в которых представлены те же звуки, например в афганском, где для *s* (*ts*) употребляется арабский ح, но с тремя точками наверху, — ح (см. пример выше). Эти примеры, общие для разных языков, могут свидетельствовать о выработанной системе, имеющей свою традицию, широко распространенную среди ирано-язычных народов.

Тем не менее, наличие большого количества разночтений в рукописях свидетельствует не только о небрежности переписчиков, но также и о колебаниях в употреблении графем, о некоторой неустойчивости в этом отношении самой традиции. Это естественно имеет отношение прежде всего к гласным, для выражения которых имеются в арабском алфавите *matres lectionis* ا, و, ي и так называемые «харакаты» (т. е. надстрочные и подстрочные знаки для них). Так же как это мы наблюдаем в согдийском, здесь может быть отмечена большая неустойчивость в употреблении *matres lectionis*. Наличие ا, و, или ي отнюдь еще не свидетельствует о долготе гласных. И наоборот, долгие гласные могут быть выражены без *matres lectionis*; так, например, خوبام ذعد «хорошая дочь» с ا (алифом) после ب отнюдь не имеет долгого гласного во втором слоге первого слова, как мы это знаем из истории иранских языков, иранских энклитических местоимений. Вторым моментом, затрудняющим определение хорезмийского вокализма по данным текста, является то обстоятельство, что последние, отражая живую речь, передают ее, в меру умения писцов, со всеми комбинаторными изменениями звуков. Таким образом не всегда легко установить вокализм отдельных слов, но общая картина хорезмийского вокализма может быть выяснена и по данным текстам, конечно, при помощи исторической грамматики со всеми вытекающими из такого положения оговорками. Могут быть установлены следующие гласные фонемы: 5 долгих: ā, ī, ū, ē, ō и 3 кратких: a, i, u. Вокализм хорезмийского языка, таким образом, подобен вокализму согдийского, персидского и др. иранских (средне-иранских) языков.

Значительно легче, проще выяснить картину хорезмийского консонантизма, так как согласные графемы арабского алфавита, при всей их многозначности, устойчивее надстрочных и подстрочных знаков для гласных.

В хорезмийском языке существовали следующие согласные фонемы, неизвестные в арабском, для которых требовалось изобрести новые знаки, видоизменить их посредством диакритических знаков. Это — наличные также в персидском языке *p* и *č*, которые передаются посредством арабских **پ** и **چ**, но не с одной, а с тремя точками внизу, — **پ** **چ**, а также свойственные специально восточно-иранским языкам: губно-губное *β* и зубная аффриката *s* (последняя отсутствует лишь в согдийских говорах). Обе эти фонемы передаются в наших хорезмийских материалах соответственно через **ڤ** и **ڄ** с тремя точками сверху. Фонологическая функция этих графем как губно-губного спiranта и зубной аффрикаты определяется как сравнением их с афганскими, где они выполняют ту же роль, так и историко-сравнительной фонетикой иранских языков. Фонема *s* в хорезмийском языке соответствует согдийскому *š*, с одной стороны, а с другой — отражает так же как в осетинском языке, в ряде случаев, глухой взрывной зубной *t* перед передними гласными *i*, *e*; например *pickab* < *patiskamba* «стена» — согдийское *ptšknb*, и *aβās* «пусть будет» < древне-иранское *bavāti*. Последний переход *t* > *s*, сближающий хорезмийский язык с осетинским языком, является лишним подтверждением происхождения алано-асов из Хорезма. Одной из особенностей всех восточных иранских языков, начиная с афганского и кончая осетинским, является исчезновение иранского придыхательного *h* после гласного; ср. ав. *xvāhayaui* «бьет» = осет. *xmajij*, согд. *rw'y-*. Хорезмийский язык в этом отношении является исключением, сохраняя эту фонему в любом положении: **دها** **کانه** «если я тебя ударю» (*h* в середине слова между гласными), **برائے ہافاخ کہ کاین اکامام** «пусть будет разведенной та, на которой я женюсь» (*h* в начале слова).

Согласные звуки хорезмийского языка могут быть установлены в следующем составе:

Задненёбные *k*, *g*, *x*, *γ*

Палатальн. аффр. *č*, *ǰ*, шипящая *š*

Зубная аффр. *s*, свистящая *z*

Соответственный звонкий *dz*, наличный в сакском и осетинском, не имел особенного графического выражения, но может быть обнаружен.

Зубные *t*, *d*, *θ*, *δ*, *n*

Губно-зубн. спир. *v*

Губные *p*, *b*, *f*, *w*, *m*

Сонанты *y*, *r*, *l*

Более подробное фонологическое описание исторических корреспонденций в хорезмийском языке будет дано в готовящемся исследовании.

И М Я

Развитие флексии имен в хорезмийском не представляет никаких неожиданностей. Если осетинский язык, в окружении горских языков, отчасти уже на Кавказе, выработал морфемы из своих же собственных языковых материалов (последлогов и т. д.), то хорезмийский язык пошел по тому пути общего обеднения и ослабления флексии, по которому пошли и другие средне- и ново-иранские языки с персидским во главе.

Показателей множественности можно отметить три. Один — восходящий к древнему род. падежу множ. ч., как результат наличия в средне-иранскую эпоху страдательного оборота в переходных глаголах, засвидетельствованный на известной стадии развития во всех почти иранских языках, — другой (с), отражающий один из абстрактно-коллективных суффиксов, а именно — *t*, отмеченный в этой функции и форме для осетинского и согдийско-ягнобского, и третий, идентичный с согдийским — *ē*.

Таким образом первый показатель множественности, восходящий к древне-иранскому род. падежу множ. числа на — *-ānāt*, *-māt*, *-ūnāt*, *-nāt*, включает в себе согласный *-n* с предшествующим гласным или без него в зависимости от конечного звука основы древне-иранского слова; например *آما پسنخ پی سد دینارن* «довольна ли ты мною за сто динаров», *هافرند با دغدام پی سد دینارن گلین* «я дал тебе мою дочь за 100 динаров махра», *هزار پراچن* «тысяча разводов». Окончанием косвенного падежа ед. ч., восходящего к древнему род. падежу, является *i* (*e*); окончание падежа прямого объекта *a*, и восходит к *-at*. Имя, определенное препозитивным членом, часто сопровождается постпозитивным членом. Последний восходит к указательному местоимению, например *ای فاغک نی حاجت مناه اک* «сделай нам необходимым этот сад», *زادکاو می واخیامن با هنان نی* «мы вырастили эту рабыню вместо (своего) ребенка». Косвенный объект может выражаться показателем *ذار*; например *ای ناتام دَار اکبج* «если такому то скажешь это слово», *راغبان شغلان دَار* «для работ, которые бывают вне города».

Так и во всех других иранских языках, древне-иранских, средне- и ново-восточно-иранских, за исключением большинства западно-иранских, где имеется изафетная конструкция, требующая постановки определения после определяемого слова, в хорезмийском языке определение предшествует определяемому слову: например *خوبام دغد* «хорошая моя дочь».

Указательное местоимение мужского рода в хорезм. — ای «этот», женского рода یا «эта», с ослабленной семантикой, употребляется в функции определенного члена. Помимо падежных окончаний синтаксические отношения слов выражаются рядом послелогов и предлогов: فی پر خ и т. д.

МЕСТОИМЕНИЯ

Могут быть отмечены личные, указательные и относительные местоимения, историческое толкование которых не представляет особых затруднений и будет дано в исследовании.

Местоимение первого лица از «я» (прямой падеж), ما می — косвенный падеж.

Местоимение 2-го лица اونک «ты» (прямой падеж), تا — прямой объект, دی — косвенный падеж, например دی باردن ای پردیزکنی «я продал тебе этот баштан».

Местоимение 3-го лица в косвенном падеже هی «ему, ей», «его, ее». Относительное местоимение که «который».

Колич. числительные ابو «один», دو «два», شی «три», پنچاس «пятьдесят», سید «сто», اُخسد «шестьсот», هزار «тысяча» и др.

ГЛАГОЛ

Могут быть отмечены следующие формы: настоящее время, прошедшее (от основы настоящего времени), будущее время, желательное наклонение, повелительное наклонение, перфект, 2-е будущее.

Окончание 1-го лица настоящего времени -m, как в других иранских языках. В прошедшем и желательном — n, как в осетинском. В желательном — n может отсутствовать. Происхождение -n — из древнего желательного, ср. древне-перс. *kipavāni* «пусть я сделаю», осет. *kænon* (жел.), *kodton* (прош.)

Окончание 2-го лица настоящего времени -i, как в персидском, в прошедшем и желательном -ix, в котором конечное -x исторически соответствует персидскому *بی خکایت* и *بی شرط*, обе части частицы (-x и -i — ср. перс. *hē*) представляют отражение древнего *optativ'a* от существительного глагола.

Окончание 3-го лица настоящего времени и желательного -s, восходящее к -t; например افاخ < *bavāti*, ср. согд. *γβу* «есть».

Окончание 1-го лица множ. числа -mni, -mna. Это окончание восходит, повидимому, к окончанию древне-иранского медиального причастия;

подобное образование окончания 1-го лица множ. числа может быть отмечено и для согдийского языка, например *čwšw rttu yḥ w'p'r'γzt Zknytmn 'ny'wr L' byrt 'st rtyšw nwr byr'ytmn* перевод в издании:¹ «was für Edelsteine (sind), die so vortrefflichen, die ein andres Mal nicht erlangt worden sind und die wir jetzt erlangt haben?» следует исправить на «что это за столь великолепные жемчуга, которые нами в другой (предыдущий) раз не получены, а которые теперь мы получаем». *byr'ytmn* есть 1-е лицо множ. числа с окончанием *-ytmn*, образованным по аналогии с медиальным причастием.

Во 2-м лице множ. числа настоящего времени — окончание *-βi*, восходящее к местоимению 2-го лица, и в желательном — то же с прибавлением *-x*, известного уже из форм единственного числа. В 3-м лице множ. числа — окончания на *-r* с различными огласовками. Эти окончания сближают хорезмийский язык с рядом других языков иранских и не иранских: с авестийским, ягнобским, сакским, тохарским, латинским. Общий признак желательного наклонения — долгий гласный перед окончанием, как в персидском, باد «пусть будет», также отражает древний показатель этого наклонения.

Будущее время образуется как в согдийском языке, посредством присоединения частицы کام к настоящему времени. Перфект, так же как в согдийском, образуется посредством соединения глагола دار «иметь» с причастием прошедшего времени.

Прошедшее время с частицей منجا, восходящей к глаголу مان — «оставлять», образует второе будущее.

Примеры: 1. آچيو ڤارينځ ماه پرا ذبنار «согласна ли ты на это за динар», буквально «приняла» — ڤارينځ 2-е лицо прош. времени с окончанием *-ix*.

2. И она сказала ڤارين: «я согласна», буквально, «приняла» — 1-е лицо того же времени с окончанием *-n*.

3. آز ڤامس باچغازين «я также пожелал тебя» — 1-е лицо прош. времени глагола غاز с префиксом *pac* — согд. *pč*; از ڤامس *βā* «тебя», *mis* «также».

4. И сказал он: اڤار نان «пусть будет так». اڤار — 3-е лицо множ. числа желательного наклонения от глагола *aβa-* «быть», окончание — [*ā*]ri, نان — указат. местоимение в косвенном падеже в значении наречия.

5. هاقوند يا دُغدام بی سد ذبنارن کابین «я дал тебе мою дочь за 100 динаров махра». *hāβrin* — 1-е лицо единств. числа прош. времени от глагола *haβar* — «давать», согд. *ββr-*, ягноб. *tifar* — с удлинением основного гласного, как в согдийском. *دُغدام* «моя дочь» с определенным артиклем *یا*.

6. آعی هافرغ «отдал ли ты ее?» — 2-е лицо прош. времени того же глагола.

7. امیه هافرغ ای زرز فی نکاح «имеешь ли ты склонность (букв. «сердце») к браку со мною», буквально «дала ли ты сердце». Та же глагольная форма. «Сердце» *زرز* с определенным артиклем мужского рода.

8. هاقوند فی جفتاوک فی هلالوک اهافرغ «отдал ли ты ее в состоянии дозволенности и способности к браку» — та же глагольная форма. *جفتاوک* и *هلالوک* — персидское (*جفت*) и арабское (*حلال*) слова с суффиксом абстрактности — *āvalk*, соответствующим средне-перс. — *īva* и осет. — *inæg*.

9. هاقوند حلال می پاروزد «стала разрешенной мне» — 3-е лицо прош. времени от глаг. *<var-* с префиксом и удлинением гласным *ā*. *می* — косвенный падеж местоимения 1-го лица.

10. هاقوند کاه فضولیک نکاح اکا فبتلاث «если я женюсь на ней браком Фузули, то (она разведена) трижды». *اکا* — 1-е лицо желательного-условного наклонения с отпавшим *-n* в конце слова. *کاه* — союз *ka* и местоимение 3-го лица в косвенном падеже. Три арабских слова: *فضول* с суффиксом — *īk*, образующим прилагательное, *نکاح* и *ثلاث*.

11. هاقوند افلاغ کلم یا نلنام وذ افلاغ «если будет такая-то женой для меня». *افلاغ* — 3-е лицо единств. числа желательного-условного наклонения. *وذ* «жена», ср. согд. *wδw*.

12. هاقوند هاشغ دی پاروزد «дан тебе». *هاشغ* — прич. прош. времени от *haβar* — «давать» с выпадением *r* перед согласным, как часто в хорезмийском (и в христианско-согдийском), и с переходом *t > c*.

13. هاقوند فانچین «я привязал» — 1-е лицо прош. времени с удлинением основного гласного. *c* из *t*. Глагол *βand* — «вязать».

14. هاقوند کاند ابو غواغ خرناه کند شی غواری خرنان «если тебе нужен один развод, я съел, если нужны три развода, я съел». *ابو* «один», *شی* «три», *غواغ* — 3-е лицо единств. числа желательного-условного наклонения; *غواری* — то же во множ. числе от глагола *غو* «быть нужным», согд. *γw-* и осетин. *hæmin*. *خرناه* — 1-е лицо прош. времени от глагола *خر* «есть».

15. *فَا جَفْتِي اَنِخْ بَوَارِچِسَن* «я и моя супруга отделились друг от друга». *بوارچِسَن* — 1-е лицо множ. числа прош. времени с окончанием *man*, *vart-* «вращаться» с переходом *t > s* перед *i*. Префикс *pa < ara*. *vart-* — перс. *گردیدن*.

16. *سکند خُر حَاند غواخ* «поклонись какой хочешь клятвой» (букв. «поклонись, как тебе нужно»). *سکند خُر* = перс. *سوگند خور*. — *غواخ* — 3-е лицо единств. числа желательного наклонения.

17. *وَذ دَامْ وَذ حَلال ما افَاخ* «то да не будет мне жена дозволенной». *وَذ* — «жена», *ما* — отрицание при желательном наклонении. *افَاخ* — 3-е лицо желательного наклонения от глагола *aβa* — «быть».

18. *بِيزار فا اگم پا شیک دمی چک اک* «я освобожу тебя (от махра) за три, сделай мне документ». *اگم* — 1-е лицо единств. числа настоящего времени от глагола *ikk-* *< kar* = перс. *کنم*. — *اک* — повелит. наклонение. *فا* — винительный падеж местоимения личного 2-го лица, восходит к древне-иранскому *dvāt*.

19. *بِيزار فا مکن دِی حق پی سکند* «я освободил тебя от (моего) права клятвой». *مکن* — прош. время от глагола *ikk-*; *-n* — окончание первого лица. Подобно согдийскому языку, глаголы с гласным вначале принимают *m-*, восходящее к *< mat*.

20. *اِخاسِی دما اِخاسِی* «так отпусти меня». *اِخاسِی* — повелит. наклонение. Глагол восходит к древне-иранскому *hrz-*, перс. *مشتن*. *ما* — вин. падеж местоимения личного 1-го лица в краткой форме. *د* — союз, вводящий независимое предложение, соответствует согдийскому *rtu*, по смыслу здесь = перс. *پس*.

21. *ماپر سکند خر* «поклонись надо мною». *ماپر* — вин. падеж местоимения 1-го лица с послелогом *پر*.

22. *شیک قابر خرامکام و ابا خرث پاروزد* «я три развода съем над тобой или съедены». *خرامکام* — будущее время, образованное, как уже сказано было выше. *خرث* — прич. прош. времени, — форма, этимологически соответствующая персидскому, *خورد*.

23. *کاپرا پنام سکند نی خرخی دخی پرَمک خر* «если ты не поклянешься о моей сопернице, то поклянись обо мне» *خرخی* — 2-е лицо наст. времени.

24. *کافیند نیکبخام* «если ты не выйдешь замуж» (букв. «если ты не сделаешь связи»). *کافیند* от *band-*. *نیکیبخام* — будущее время, 1-е лицо от глагола *ikk-*.

25. *يا غدر كاشكام دى ذينار هغرامكام* «как только ты придешь, я дам тебе динар». *اسكام* — 2-е лицо будущего времени от глагола *as-* «приходить». *هغرامكام* — 1-е лицо будущего времени от глагола *haβar* — «давать».

26. Она сказала ему по-хорезмийски: *اڤاخ يم پښا ابو* «разведена ли я от тебя одним разводом». Он сказал: *اتما هزار ياوير* «напротив, тысячу раз» и т. д.

С Л О В А Р Ь

Хорезмийский словарь, как можно было убедиться даже на этих примерах, включает в себе довольно большое число слов, заимствованных из персидского и арабского языков; имеются заимствования и из тюркского языка (целые фразы). Эти заимствования не внешнего, литературного порядка, а прочно вошедшие в толщу языка, поскольку встречаются образования от этих слов с суффиксами. Такой характер словаря совершенно понятен, если учесть, что мусульманство, внесшее арабские и персидские словарные элементы, господствовало в стране уже пять столетий. Тюркские языки в Хорезме вытесняли уже местные (население было уже к тому времени двуязычным) и вскоре вытеснили их окончательно. Окончательно ли? Нет ли в словаре местных говоров словарных остатков, элементов средне-азиатских иранских языков, так как они, несомненно, имеются в таджикских говорах? Ответ на этот вопрос должна дать диалектология узбекских говоров, рука об руку с историей иранских языков.

Исследование хорезмийского языка проводится и за границей.¹

Но необходимо учитывать, что изучение хорезмийского языка в нашей стране должно показать на ряду со всеми вначале отмеченными моментами прежде всего пути сложения современных средне-азиатских языков, дать материал для истории народов братских республик Союза.

Настоящая статья имеет целью дать лишь краткое предварительное сообщение о новых важных материалах по истории одного из средне-азиатских языков, на базе которых советские востоковеды обязаны выполнить поставленные выше задачи.

Ленинград

Апрель 1937 г.

¹ ZDMG, Bd. 90, Heft 3/4, 1936.